

НАШЕНСКИЙ ГОРОД

Завтра

Владивостоку — 100 лет

Сергея — Э. Прокопцев, Виктора — В. Сердюк. Имена некоторых из них пока неизвестны даже во Владивостоке. Но ведь публика у нас привыкла аплодировать не «звездам», а талантам, и сегодняшний спектакль идет с немалым успехом, чем вчерашний или позавчерашний, где играли опытные мастера сцены П. Попов, А. Присяжнюк, А. Побегалов.

Есть во Владивостоке и такой театр, куда профессиональные актеры приходят исключительно в качестве зрителей, а, если можно так выразиться, «профессиональные зрители» играют на сцене. Это народный театр клуба имени Ильича.

К 100-летию Владивостока театр подготовил спектакль «Безумству храбрых...», посвященный одному из героев революционной борьбы на Дальнем Востоке — Виталию Бонивуру.

Мы рассказали только об одном клубном коллективе, да и то кратко. А ведь такие коллективы существуют почти на каждом предприятии города: у моряков и рабочих порта, у работников торговли и транспорта, у студентов университета и врачей. Мы рассказали только об одном театре — Краевом театре драмы. А ведь есть еще Театр юного зрителя, Театр кукол. А художники? Владивосток издавна славится своими художниками. Достаточно сказать, что в нынешнем году на выставке «Советская Россия» в Москве представлены работы семи владивостокских художников. Среди них картины И. Рыбачука, посвятившего свое творчество народам Севера, виды Владивостока Н. Мазуренко, морской пейзаж К. Шебеко, картина «Переборка картошки» А. Телешева, пейзажи молодого художника К. Ковалю и В. Медведского, графические работы С. Ясенкова. Кто-то из посетителей выставки сделал запись в книге отзывов примерно следующего содержания: «Как приятно, что не ощущается разницы между работами художников Сибири и Дальнего Востока и работами художников столицы». Эта запись уже известна во Владивостоке и весьма радует художников. К столетию родного города отделение Союза художников готовит большую выставку, главным содержанием которой будет рассказ о людях семилетки.

И в музыкальной жизни города много интересного. Здесь созданы два больших хора: академический — под руководством директора Музыкального училища Д. Иванова и народный, которым руководит Н. Широкова. Оба эти коллектива совсем молодые. Народный хор, например, начал формироваться всего полгода назад, а систематические занятия идут каких-нибудь два-три месяца. Но первые успехи уже достигнуты: в конце мая хор дебютировал перед участниками краевого семинара животноводов. Кроме народных песен, в программе были и частушки о доярках-героинях, сложенные самими участниками хора. К юбилейным торжествам готовятся песни о Владивостоке. Это песни, получившие премии на специальном конкурсе, объявленном в прошлом году. Домом народного творчества и городским Советом,

Он нашенский по своей устремленности вперед, в будущее, по своим гигантским, как и у всей страны, перспективам. На улицах обилие всевозможных лозунгов, плакатов, схем и диаграмм, рассказывающих о завтрашнем дне города. Буквально не отойдя и двух шагов от вокзала, вы уже знаете, что за семилетку в городе будут построены новый театр, цирк, стадион, а через полчаса вы сможете с закрытыми глазами назвать точные цифры, сколько здесь будет открыто яслей, школ, больниц, и даже... сколько будет посажено деревьев. Цифры эти поистине грандиозны. За сто лет существования города было построено в общей сложности 1.400 тысяч квадратных метров жилой площади. За пять лет (к 1965 году) будет построено 1.600 тысяч.

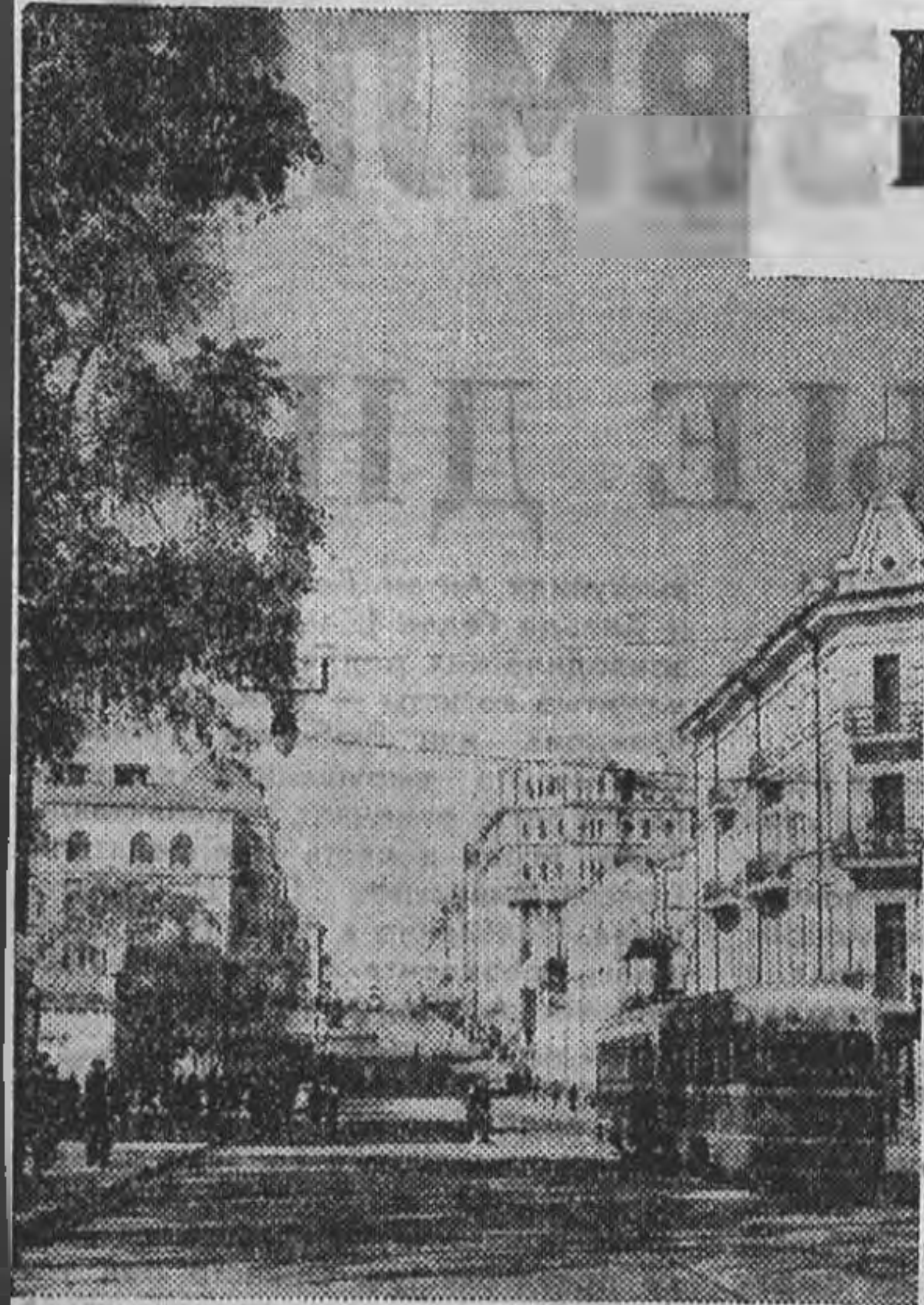
Как вы думаете, кто сейчас пользуется наибольшим уважением во Владивостоке? Моряки? Рыболовы? Краболовы? Китобой? Да, конечно, все они. Но, кроме них, — строители. В гостинице «Челюскин», где полвека назад на заседаниях Военного совета выступал Сергей Лазо, в номере, где, может быть, жили участники экспедиций Арсеньева и на протяжении многих лет неизменно останавливались капитаны дальнего плавания, теперь живет молодой энергичный человек Виктор Петрович Луцатник — главный инженер стройтреста № 8, ведущего в городе основные работы. Усталый и запыленный, он приходит сюда вечером, разворачивает прямо на полу многометровую полосу бумаги — генеральный план города.

Рассказывать без карандаша он не может. Он берет лист бумаги и рисует изогнутый Золотой Рог. Дальше начинается фантастика. До сих пор мы поворачивали реки, переворачивали горы, если была необходимость. Сегодня мы решили повернуть город. Да, мы возьмем Владивосток со всеми его улицами и парками, вокзалом и портом и повернем его лицом к океану, чтобы проходящие корабли могли издали видеть красивейший тихоокеанский порт. Говорят, что музеям Владивостока тесно в старых зданиях, и они могут выставить лишь часть своих интереснейших материалов. Ну что ж, у музеев будут новые здания. Говорят, что восточнее Новосибирска нет ни одной консерватории. Ну что ж, во Владивостоке будет консерватория. Но если есть консерватория, то нужен и оперный театр. И во Владивостоке будет оперный театр.

* * *

«НАДО МЕЧТАТЬ!» — этими ленинскими словами хочется закончить рассказ о сегодняшнем Владивостоке — городе необыкновенной и в то же время совершенно реальной мечты. Хорошо бы эти слова выложить белым камнем на вершине самой высокой сопки, чтобы они были видны далеко в океане, как дым из этого далекого, замечательного и такого нашенского города.

А. МАКЕЕВ,
соб. корр. «Советской культуры».
ВЛАДИВОСТОК.

Владивосток. На снимке: главная улица, носящая имя Ленина. Фото Н. НАЗАРОВА (ТАСС).

ВЛАДИВОСТОК далеко, но, ведь, это город-то нашенский, — эти ленинские слова встречаются при выходе с морского вокзала каждого, кто ступит на землю Приморья. Здесь любят повторять их. Вы встретите их всюду: на уличных плакатах, в рассказах старожилов, в стихах поэтов, посвященных столетию города. И, пожалуй, трудно точнее и лаконичнее охарактеризовать этот город, стоящий на самом дальнем конце самой длинной железнодорожной магистрали, на границе самого большого материка и самого большого океана.

Вчера

Это нашенский город, потому что этой земли мы ни у кого не отнимали штыками и пушками. Мы открыли ее, исследовали, населили и возродили к жизни. Это нашенский город, потому что сто лет он дышал одним дыханием со всей Россией. Сто лет — это не так уж много, и в городе еще живут люди, которые по личным воспоминаниям могут рассказать по меньшей мере половину его истории.

Когда Михаил Андреевич Невежин был призван во флот, падение Порт-Артура было еще потрясающей новостью. Теперь от тех времен остались только фотографии в старом матросском сундучке. Старый моряк перебирает их, а в соседней комнате звучит пианино: это играет дочь Михаила Андреевича. А сына и зятя нет дома: оба в море. И семилетняя внучка Лариса притихла в углу, ждет «дедушкиной сказки».

— Обучать нас здесь боялись: как бы мы революции не научились. И потому наш крейсер «Аскольд» пошел во Францию. А в это время как раз сиамский принц женился на русской принцессе...

— Постойте, Михаил Андреевич, в какой город вы пошли?

— В Сайгон. Так нам и было сказано: идем во Францию.

Здесь, «во Франции», вдали от родных берегов и от «большевистской агитации» царское командование хотело воспитать «верных слуг престола и отечества». На борту не было ни одного «неблагонадежного», новобранцы (или, как говорят моряки, «салага») лишь смутно слышали о каком-то «бунте» на каком-то

скалой войны ему довелось ходить под красным флагом по всему восточному побережью Азии — от Шанхая до острова Врангеля. Теперь он стоит на мертвом причале: триумф его превращен в музей, а кают-компания — в клуб. Здесь собираются ветераны Тихоокеанского флота.

Председатель секции ветеранов Дмитрий Филаретович Коновалов непременно вспомнит о своей последней встрече с Сергеем Лазо. Это было в ночь с 4 на 5 апреля 1920 года, в ночь японского мятежа. Молодой комиссар миноисца «Бравый» получил приказ ни в коем случае не отвечать на японские выстрелы. Тревожная ночь. Японские корабли бьют по Чуркину. В городе трещат пулеметы. Телефонный звонок: «Говорит Лазо. Затворы орудий и боеприпасы — за борт. Исполнение доложите. Я на Полтавской, в следственной комиссии».

Доложить не удалось: телефон не отвечал. А день спустя Коновалов встретил на Светланской автомобиль, ошетиленный японскими саблями. Между саблями сидел Лазо. Коновалов кинулся к нему. Лазо его узнал и улыбнулся. И это была последняя встреча.

Сегодня

Это нашенский город, потому что среди многих славных городов на берегах Тихого океана он живет, работает, строит по-нашенски, по-советски.

Прогуляемся по городу. Он пахнет морем и солнцем, в порту под стальными лапами кранов грузятся большие пароходы, уходящие в Усть-Камчатск и в бухту Провидения, на Амурском заливе — гонки шлюпок Дальневосточного морского пароходства; ночью далекие гудки кораблей заставляют думать о путешествиях. Это все, наверное, можно увидеть и в Сан-Франциско, и в Сингапуре. Но вот у входа в театр у вас спрашивают лишний билет. Это уже другое. Это уже не Сан-Франциско. Вы не просто в портовом городе на берегу Тихого океана, вы в стране, живущей богатой и разнообразной культурной жизнью.

Сцена сегодня предоставлена артистической молодежи. Идет «Иркутская история». Главные роли исполняют учащиеся театральной студии: Валю — Г. Колокольцова,